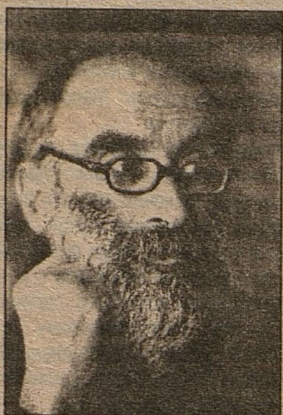

Памяти Алека Рапопорта

4 февраля в Сан-Франциско умер художник Алек Рапопорт. Ему было 63 года. В 1973 году он с семьей эмигрировал из Ленинграда и все последние годы жил в Америке. Работы его имеются во всех главных музеях мира — от Русского музея до Ватикана

Алек Рапопорт. Фото МЛемкина.

Алек Рапопорт умер внезапно. Он умер у себя в мастерской; позвонил домой, что скоро будет, но не пришел и в последние свои земные мгновения он был не с дорогими ему людьми — женой и сыном, а со своими холстами, со своими рисунками, со своими красками, кистями, палитрой. Если бы я писал о художнике Рапопорте, я бы сказал, что он умер как солдат искусства, с кистью в руках. Но Алек был моим другом, и я никак не могу осознать это слово — умер. Я мог бы написать, что Алек Рапопорт выполнил свой земной долг, если бы говорил о замечательной его живописи, но вот рука выводит буквы, они складываются в слова, а грамматическая их форма никак не связана с Алем, которого я знаю, — "солдат", "долг", это было всегда, я мог сказать что-нибудь подобное неделю назад, но без глаголов прошедшего времени: Алек был тут. А теперь где он? Я не могу этого осознать.

Совсем недавно мы сидели у нас на кухне, пили чай, а потом в гостиной смотрели макет моей книги о Бродском, я накануне закончил этот макет и тут же позвонил Алеку. Волнуясь, я выкладывал на стол разворот за разворотом — 186 страниц. Алек смотрел очень внимательно, и я постарался успокоивался. Алек был замечательным зрителем: он был почти-детски непосредствен и открыт, но-монашески сосредоточен и серьезен. Но его открытость никакого не имела отношения к модной бесхребетной всеядности; этот маленький худенький человек, точно Атлант, и не помышлял сбросить со своих плеч груз великих традиций — искусство для него было в первую очередь ответственностью. Он

был добрым человеком и всегда мог найти слова, чтобы поощрить, поддержать, но никогда не кривил душой, если дело касалось главного. Я открывал коробки, раскладывал на столе перед Алем страницы, но смотрел не на свои фотографии, а на его лицо...

Через неделю я повез этот макет своему издателю в Нью-Йорк, а на четвертый день мне позвонила в Нью-Йорк жена и сказала: "Умер Алек".

Удивительное дело, при всей своей сосредоточенности и собранности, при всей почти религиозной целеустремленности и верности работе, Алек любил людей, люди ему были нужны, хотя он и научился — впрочем, не до конца — неизбежному в эмиграции самоограничению.

Я не собираюсь сейчас рассуждать о живописи Алека, я только хочу сказать, что искусство его достигло того качества, когда зритель, встречаясь с его работой, вступал в беседу (или продолжал когда-то начатую беседу) с автором. Алек Рапопорт воплощался в своих работах, как требовали его великие учителя и предшественники, подчас суровые учителя и предшественники, и накопленный им духовный опыт, пульсирующий в каждом мазке, сгущенный, сконцентрированный до размеров холста, остался с нами.

Но Алека нет — и я не могу понять простого смысла этих слов.

Я бы хотел верить, что душа его где-то там в эмпиреях, что где-то он есть в непостижимом для меня виде, что он получил свет или покой, — но я не верю в это. Что делать, я не верю в это, и я не могу понять — где он.

Наверное, так случается всякий раз, когда уходит близкий человек. Ты существуешь с этой занозой в сердце, пока вдруг не осознаешь, что на месте занозы остался заскорузлый рубец и незаметно что-то произошло с твоей памятью. Как сказал Бродский:

В прошлом те, кого любишь,
не умирают!
В прошлом они изменяются или
прячутся в перспективу.

Наверное, так и случится, когда сегодняшнее станет прошлым. Но сейчас без Алека очень трудно.

МИХАИЛ ЛЕМХИН

Сан-Франциско

Русский музей - персони - 1994 - 20-26 фев. - с. 15